

Вигго МОРТЕНСЕН:

«И лицедейство, и поэзия — рассказ от первого лица»

Сьюзен ХОУАРД

Двойное дно

В новой криминальной драме Дэвида Кроненберга «Оправданная жестокость» Вигго Мортенсен играет Тома Столла — владельца забегаловки в провинциальном городке штата Индиана. Том ведет размеренную жизнь, он давно уже и счастливо женат, у него двое детей. Но когда в его заведение врываются два бандита, простой парень Том неожиданно обезвреживает их так, словно всю жизнь только этим и занимался. А вскоре в городок приезжают люди, знающие его под другим именем; оказывается, много лет назад Том был связан с мафией.

Вигго Мортенсен — настоящий «человек эпохи Возрождения»: актер, поэт, книгоиздатель (он основал независимое издательство Perceval Press), художник, дизайнер одежды, фотограф. Одним словом, отлично подходит на роль героя с двойным дном.

— Что привлекло вас в проекте «Оправданная жестокость»?

— Во-первых, режиссура Дэвида Кроненберга. Если он снимает фильм, значит, это будет интересно. Затем меня привлекла сама история. Я читал сценарий, задавал себе вопросы, и видел, что сценарист уже пытается на них отвечать. С одной стороны, сценарий задает актеру очень жесткие параметры: мы должны развить характер от точки «а» до точки «б». С другой — сцены написаны так, что их можно интерпретировать по-разному. У меня было пространство для маневра, я мог попробовать сыграть и так, и эдак. Дэвид всячески поощрял мои эксперименты, и я бесконечно благодарен ему за это. Он потрясает умный и практичный режиссер. Мы чувствовали себя совершенно свободно, и при этом он закончил съемки в срок и без превышения бюджета. Я знаю многих режиссеров, которые умеют работать также эффективно, но на их съемочных площадках постоянно повторяют: «Быстрее! Быстрее!» У Дэвида не происходит ничего подобного. Он гениальный режиссер. У него не так много наград, но факт, что к нему охотно идут сниматься такие великие актеры, как Эд Харрис и Уильям Хэрт, говорит сам за себя.

— Говорят, сцена сесса на лестнице нелегко далась вам и вашей партнерше Марии Белло. Правда ли, что по-

сле съемок вы оба были в синяках?

— Мы старались помочь друг другу... (Смех). А Дэвид пытался помочь нам обоим. Он ни разу не скомандовал «Стоп!», он ждал, когда мы сами решим, что хватит, и останавливался. Он снимал и смотрел, как изменяется динамика отношений между партнерами, кто руководит шоу, если можно так выразиться. В этой сцене — квинтэссенция их отношений. Подспудная борьба за власть между мужем и женой.

— Говорят, вы помогали подбирать бутафорию и реквизит для сцен в доме и закускойной Тома. Это помогло вам в создании характера героя?

— Да. Я думаю, многие актеры так работают — помещают вымышленный персонаж в реальную, осязаемую среду и смотрят, как он будет реагировать. Режиссеру вовсе необязательно использовать в фильме подобные актерские работы, но если они не идут вразрез с идеями художников и режиссеров, — почему бы и нет? Некоторым режиссерам это не нравится, и я никогда не навязываю им свою точку зрения. Но порой режиссер идет навстречу, потому что понимает, что актеру помогает обстановка — когда он чувствует себя дома, в привычной одежде, среди привычных вещей.

— Вы можете назвать какой-нибудь предмет реквизита, который особенно помог вам на съемках?

— Не могу вспомнить ничего определенного. Я просто стремился к предельной естественности, и Дэвид охотно

шел мне навстречу. И не только мне — остальные актеры тоже предлагали свои идеи, и Дэвид охотно проверял, срабатывают ли они. Он поощряет участие актеров во всех аспектах кинопроцесса.

— Мария Белло говорила в интервью, что из фильма вырезана сцена, где вы занимаетесь сексом под водопадом. Эта сцена была похожа на то, что вы делали в «Прогулке по Луне»?

— Нет, на сей раз было гораздо холоднее! (Смех). Снимали ночью, дело было в Канаде, и нам нужно было прыгнуть в воду с обрыва. Но съемки получились очень забавные. Когда тебе приходится попадать в чужую компанию, не так страшно. Мария подошла к ситуации по-спортивному — она молодец: не ныла, не жаловалась, хотя нам пришлось несладко. Я понимаю, почему эту сцену вырезали — она не несла никакой информационной нагрузки, без нее легко было обойтись. К этому времени они уже показали этого парня, Тома, окружающую его обстановку, пора было переходить к основному действию. Хотя, конечно, это милая сцена, и я был бы рад, если бы зрители смогли ее увидеть.

— Были ли вырезаны какие-то сцены, которые кажутся вам важными?

— Вырезали совсем немного. У Дэвида все было отлично организовано, он снимал только то, что действительно было нужно. Думаю, если у него что-то осталось, он включит это в бонусы DVD.

— Но есть ли среди этого что-то важное для вас?

— Пожалуй, ничего, без чего я не мог бы обойтись! (Смех). Я отлично понимаю, почему Дэвид именно так снял и смонтировал свой фильм. Для меня его фильмы — как музыка. Первые минуты — это предвкушение, медленное создание нужной атмосферы, чтобы зритель воскликнул: «Черт побери, зачем мне это показывают? Что происходит?» Мне тоже хотелось так воскликнуть, хотя я принимал участие в создании фильма и знал, что будет дальше. А через несколько минут темп нарастает, и все вопросы остаются позади. И в конце фильма ты понимаешь, что в нем нельзя изменить ни одного слова, ни одного кадра. Это идеальное произведение.

— В фильме много насилия. Наверное, когда фильм называется «Оправданная жестокость», это неизбежно. Но вам трудно было сниматься в этих сценах?

— Дэвид снял эти сцены так, чтобы люди увидели, как отвратительна жестокость. Но все показано очень мимолетно, без акцентирования деталей. Это запоминается именно потому, что все происходит мимоходом, в обыденной обстановке.

— Подпитывает ли ваша поэзия вашу актерскую работу?

— Мне кажется, все связано. И лицедейство, и поэзия — рассказ истории от первого лица. Только по-разному. И то, и другое начинается с наблюдательности, с умения подсмотреть что-то необычное, что тебе хотелось бы рас-

сказать другим людям. Но прежде чем рассказывать, нужно пропустить это через себя, окрасить личным восприятием. И если получается интересно, значит стоит посвятить в это всех, кого это может заинтересовать. Когда работаешь с таким режиссером, как Кроненберг, тебе удается рассказывать на экране то, что интересно и дорого тебе самому.

— Ваш персонаж в «Идеальном убийстве» с самого начала был художником, или ему дали эту профессию после того, как пригласили вас на роль?

— Это было в сценарии с самого начала. Конечно, этот парень только притворялся художником, это было его прикрытием, чтобы вытягивать деньги из богатых дамочек, но он очень хорошо притворялся, и муж героини принял его за настоящего художника. Когда меня взяли на роль, я спросил, кто будет рисовать картины. Обычно студия либо берет напрокат готовые, либо заказывает кому-то копии. Мне сказали: «Мы собираемся взять напрокат, но еще не решили, что именно». И я предложил: «Можно, я попробую сам нарисовать?» И они дали мне карт-бланш. Это было очень забавно, позволило мне лучше войти в роль.

— Сильно ли изменилась ваша кинокарьера после успеха во «Властелине колец»?

— Я бы не получил роли в «Оправданной жестокости», если бы не «Властелин колец». Я смотрю на такие вещи с чисто практической точки зрения. Мне было приятно сниматься в этом фильме, но, по правде говоря, я не часто о нем вспоминаю.

— У вас никогда не было мысли вообще бросить кино?

— Думаю об этом уже многие годы. Иногда работа в кино доводит до отчаяния. Актеру редко выпадают такие замечательные роли, как в «Оправданной жестокости». Проекты, в которых режиссер прислушивается к мнениям актеров, — большая редкость. Дэвид удивительно точно подматривает абсурдные аспекты в людях и в том, как они общаются. Сам он открыт для общения. Поэтому, наверное, какими бы странными и эксцентричными ни были его фильмы, в них ощущается что-то настоящее, реальное. Он ставит героев в абсурдные ситуации и заставляет реалистично реагировать, он позволяет актерам быть свободными в рамках жестко заданной ситуации. Обычно актер чувствует себя изолированным. А я люблю соприкосновение с другими людьми.

Экран и сцена —

Мортенсен Вигго
1437-38/1405
1109057